

перспективно подготавливая или ретроспективно обосновывая и мотивируя различные речевые действия, участвуя в тематическом регулировании и привнося разнообразие в полемическую составляющую научного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голетиани, Л.* Коммуникативная неудача в диалоге / Л. Голетиани. – Мюнхен, 2003. – 412 с.
2. *Кобозева, И. М.* Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 63–71.
3. *Зиневич, Н. В.* Обобщающие высказывания выводного характера в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Н. В. Зиневич. – Минск, 2015. – 25 с.
4. *Чуриков, М. П.* Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: на материале текстов немецких политических интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / М. П. Чуриков. – Пятигорск, 2005. – 18 с.
5. *Павлюковская, Н. С.* Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия / Н. С. Павлюковская // Вестн. ИрГТУ [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 (85). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-nesoglasiya-obschie-ponyatiya>. – Дата доступа : 11.06.2019.
6. *Задворная, Е. Г.* Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е. Г. Задворная // Стиль : междунар. науч. журн. – Белград, 2008. – № 8. – С. 213–224.

The article is devoted to the phenomenon of interpretive speech acts in the oral scientific dialogue. In particular, the features of their functioning as separate conversational turns within complex utterances and the combination of interpretation with other kinds of intentions are investigated.

Поступила в редакцию 01.07.2019

А. С. Аскари

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается история изучения таджикских и персидских звукоподражаний в СССР, на постсоветском пространстве и в Иране, представлен критический обзор работ М. Ф. Фазылова, М. Шукуровой, С. М. Нешата, Т. В. Камьяра, К. Мехраби, Г. С. Трасковской. Проанализированы морфологические, семантические и синтаксические особенности персидских звукоподражаний.

Звукоподражания персидского языка исследованы мало, хотя представляют значительный интерес, поскольку в отличие от многих других индоевропейских языков в фарси обнаруживаются не только звуковыражения (подражания звуку), но и звукообразы (подражание звуку и образу

с помощью звука) и звукоизображения (подражание образу с помощью звука). В СССР исследовались звукоподражания многих языков. К числу работ по иранским языкам можно отнести «Мимео-изобразительные слова в осетинском языке» В. И. Абаева [1] и «Изобразительные слова в таджикском языке» М. Ф. Фазылова [2]. Эту тему затрагивает и М. Шукурова в диссертации «Повторы в таджикском языке» [3].

Исследование М. Ф. Фазылова основано на данных литературного таджикского языка и канибадамского говора, приводятся примеры из других северных и южных говоров [2, с. 3], что весьма ценно, поскольку многие звукоподражания до сих пор не кодифицированы. Ученый критикует термин *звукоподражание* в узком смысле (как подражание звуку), отмечая, что он «не охватывает круга этих слов», вводит термин *изобразительное слово* и указывает на ошибочность трактовки подобных языковых единиц как междометий [2, с. 2]. Справедливо обращая внимание на то, что «всякая классификация является более или менее относительной» [2, с. 4], автор выделяет 4 группы изобразительных слов. К их числу относятся лексические единицы, выражающие звуки, движения, световые и физиологическо-эмоциональные явления [2, с. 4–7].

Исследователь приходит к выводу о том, что изобразительные слова могут быть любым членом предложения [2, с. 7–9]. К фонетическим особенностям подобных языковых единиц лингвист относит повторение корня, привносящее значение многократности, и явления, связанные с семантизацией звуков [2, с. 12–13], при этом термин *звукосимволизм* не употребляет. По утверждению ученого, гласные [а], [у] и [и] передают высшую, среднюю и меньшую «степень насыщенности явления» соответственно [2, с. 13]. Автор отмечает ритмичность изобразительных слов, возникающую благодаря основному и второстепенному ударению и повтору основы [2, с. 13–14].

Исходя из морфологических показателей, М. Ф. Фазылов причисляет большинство изобразительных слов к существительным [2, с. 9], хотя отмечает, что подобные лексемы в предложении «чаще выступают в роли сказуемого, косвенных дополнений и обстоятельств» [2, с. 10]. Часть подобных слов ученый относит к прилагательным, глаголам и наречиям [2, с. 10–11]. Особое значение для нашего исследования имеет идея М. Ф. Фазылова о том, что малочисленность изобразительных слов в русской лексике объясняется характерной для русского языка описательностью, в отличие от свойственной таджикскому языку изобразительности [2, с. 15]. Ценность работы также заключается в предложенных автором правилах описания звукоподражаний, применимых к любому языку. Основным недостатком данного исследования, не умаляющим всех его достоинств, мы считаем попытку отнести большинство изобразительных слов к определенной части речи. Способность звукоподражаний играть различные синтаксические роли в предложении свидетельствует о том, что это отдельная языковая категория, являющаяся реликтом глоттогенеза.

По мнению М. Шукуровой, звукоподражания и изобразительные слова также относятся к существительным на основании синтаксического критерия [3, с. 6]. Автор отмечает, что компоненты некоторых звукоподражательных повторов могут использоваться как отдельные слова, в то же время часть звукоподражаний – это устойчивые неделимые парные лексические единицы [3, с. 6]. Звукоподражательные и изобразительные повторы употребляются в предложении с вспомогательными глаголами [3, с. 14].

Таким образом, исследования по персидским звукоподражаниям в СССР не проводились. Мы считаем, что отсутствие подобных работ связано с тем, что, в основном, внимание уделялось таджикскому языку в рамках специальности «10.02.02 – Языки народов СССР». Тем не менее в работах Ю. А. Рубинчика [4, с. 837–838; 5, с. 343] содержатся краткие сведения о персидских звукоподражаниях.

Хронологически первым исследованием на фарси стала статья С. М. Нешата «Звукоподражания и их использование в персидском языке» (1977) [6]. Автор отмечает, что на момент ее написания в грамматиках персидского языка звукоподражания не упоминались вовсе или рассматривались кратко и включались в междометия [6, s. 283–284]. Чтобы убедиться в достоверности слов ученого, мы обратились к двум грамматикам персидского языка, изданным в Иране. Так, П. Натель Ханлари (первое издание – 1972 г.) [7] ни междометия, ни звукоподражания не рассматривает. А. Ахмади Бирджанди (1973) выделяет класс, именуемый «звуки» (междометия, звукоподражания и междометные слова) [8, s. 182–184].

В своей статье С. М. Нешат говорит об ошибочности включения звукоподражаний в класс междометий и об их принципиальной разнице, выражающейся в воспроизведении в звукоподражаниях звуков окружающего мира и природы. Автор рассматривает синтаксические роли персидских звукоподражаний, словообразовательные особенности, изменение семантики в подобных словах вследствие утраты мотивировки, их роль в процессе номинации и приводит список звукоподражаний с толкованием их значений [6, s. 284–298].

Во введении к своему «Словарю звукоподражаний в персидском языке» (1996) Т. Вахиديана Камьяр также отмечает недостаточную изученность звукоподражаний: «К сожалению, звукоподражания персидского языка не только не собраны должным образом и не внесены в словари, но и всё, что написано по данной теме, сводится к упоминаниям в нескольких строчках либо к одной-двум статьям объемом две-три страницы, в которых даже не раскрыта сущность понятия *звукоподражание*»¹ [9, s. 14]. В словарь включены звукоподражания, слова звукоподражательного происхождения, междометия и междометные слова. В части словарных статей приводятся примеры из художественной литературы. Вместе с тем в работе есть спорные моменты касательно звукоподражательного происхождения некоторых слов,

¹ Перевод с персидского языка наш. – А. А.

например, آرد ([ārd] ‘мука’) [9, s. 50]. По данным «Этимологического словаря иранских языков» это слово восходит к праиранскому корню *ar- и к индоевропейскому корню *al- ‘молот, растирать, размельчать’ [10, с. 200].

В последние годы появились работы на русском [11] и украинском [12] языках. В статье «Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний русского и персидского языков» К. Мехраби кратко рассматривает словообразование звукоподражаний [11, с. 177], фокусируясь на сравнении междометий.

Вслед за представителями Санкт-Петербургской школы фоносемантики Г. С. Трасковская делит звукоизобразительную лексику на звукоподражательную и звукосимволическую [12, с. 4]. Автор анализирует 254 звукоизобразительных корня и выделяет всего три структурных типа (хотя их больше): ГС, СГ и СГС (СГСС, СГСГС), где Г – это гласный, а С – это согласный [12, с. 4]. Исследователь указывает на возможность семантических сдвигов, которые происходят при чередовании некоторых пар согласных [12, с. 5], выделяет несколько подклассов звукоподражаний (например, звуки стука, прерывистые звуки) и звукосимволических слов (например, выражающих хватание, икоту) [12, с. 7–10]. К сожалению, автор не дает четких определений понятиям *звукоподражание* и *звукосимволизм*, что приводит к противоречиям, а спорность некоторых его суждений является следствием узкой трактовки звукоподражания (как подражания звуку), поэтому многие из приводимых ученым корней, например, обозначающие хрип или икоту, должны быть отнесены не к звукосимволическим словам (звукоизображениям в предлагаемой нами терминологии), а к звукообразам с доминированием звука (разновидность звукоподражаний, в которых звуковая составляющая доминирует над образной). Кроме того, не ясно, на каком основании ученый считает слова کپ [kap] ‘спорт. кубок’¹ [12, с. 9] и قورباغه [ghurbāgheh] ‘жаба’² [12, с. 6] проявлениями звукосимволизма в фарси. Таким образом, в литературе на русском языке освещены не все аспекты персидских звукоподражаний.

Рассмотрим их морфологические, семантические и синтаксические особенности. В зависимости от количества слогов в базовых словообразовательных моделях могут быть выделены три подтипа: одно-, двух- и трехсложные. Односложная базовая модель представляет собой основу, состоящую из одного слога. Условно обозначим ее A^{сгс}, где ^{сгс} – структура слога, состоящего из согласного-гласного-согласного: پف [pof] ‘1) однократный / внезапный звук потока воздуха, исходящего изо рта, звук дуновения человека; 2) образ вздувания, опухания’ [VY].

¹ Фонетическая калька от англ. *cup* ‘кубок’.

² Стоило рассмотреть исконно иранское слово звукоподражательного происхождения وک [vak] ‘лягушка’, поскольку قورباغه ‘жаба’ является заимствованием из османского языка.

Двухсложную базовую модель обозначим как $A^{c^g}B^{c^g}$, где A^{c^g} – это первый слог, состоящий из согласного и гласного, а B^{c^g} – второй, состоящий из согласного-гласного-согласного: $ترق$ [ta-rahg] ‘звук однократного негромкого выстрела, взрыва, треска’ [VY].

Модели с повтором основы, представляющие собой повтор базовой модели, можно подразделить на две разновидности, каждая из которых имеет два подтипа. Первая представляет простой повтор основы и включает две модели: 1) на базе A^{c^g} образована двухсложная модель $A^{c^g}-A^{c^g}$; 2) на базе $A^{c^g}B^{c^g}$ образована четырехсложная модель $A^{c^g}B^{c^g}-A^{c^g}B^{c^g}$.

Модель $A^{c^g}-A^{c^g}$. На основе $پف$ [rof] образовано $پف پف$ [rof-rof] ‘звук постоянного сопения во время сна’. Модель $A^{c^g}B^{c^g}-A^{c^g}B^{c^g}$. На основе $ترق$ [ta-rahg] образовано $ترق ترق$ [taragh-taragh] ‘звук многократных негромких выстрелов, взрывов, повторяющегося треска’ [VY].

Вторая разновидность модели является специфической чертой персидских звукоподражаний. Она представляет собой повтор базовой модели, в котором используется союз $و$ [va/o] ‘и’ в роли интерфикса, однако их семантика не отличается от форм без союза. Мы считаем, что повтор основы с союзом – более позднее явление, связанное с фонетическими изменениями. Дело в том, что для современного фарси нетипично использование сочетания нескольких согласных звуков, поэтому часто между ними появляются гласные. Поскольку стык двух базовых моделей часто представляет собой сочетание согласных, то союз $و$ [va/o] (используется именно чтение [o]) призван облегчить произнесение звукоподражания с повтором основы. Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие две модели: 1) на базе A^{c^g} образована трехсложная модель с союзом $A^{c^g}-و-A^{c^g}$; 2) на базе $A^{c^g}B^{c^g}$ образована пятисложная модель с союзом $A^{c^g}B^{c^g}-و-A^{c^g}B^{c^g}$.

Модель $A^{c^g}-و-A^{c^g}$. На основе $تق$ [tagh] образовано $تق و تق$ [tagh-o-tagh] ‘звук повторяющихся негромких ударов, постукиваний молотком, пальцем о деревянную поверхность и т.д.’ [VY]. Модель $A^{c^g}B^{c^g}-و-A^{c^g}B^{c^g}$. На основе $شلپ$ [she-lep] (‘1) звук однократной пощечины; 2) звук поцелуя; 3) звук однократного падения некоего предмета в воду; 4) звук от однократного удара руками о поверхность воды’) образовано $شلپ و شلپ$ [shelep-o-shelep] ‘1) постоянный звук ходьбы по грязи; 2) звук многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи’ [VY].

Нам удалось установить несколько моделей с частичной редупликацией, где редуплицированный корень представляет собой производную форму от базовой модели с чередованием звуков. Кроме того, в таких случаях между двумя корнями часто используется союз $و$ [va/o]. В первой модели (с союзом или без него) происходит чередование корневых гласных. Общая схема: $A^{c^{[r]c}}(-و)-B^{c^{[r]c}}$, где A и B – это слоги, c – согласный, $^{[r]}$ – чередующийся гласный. Например: $خش و خوش$ [khash-o-khush] ([e]//[u]) ‘звук постоянного относительно громкого шуршания листьев, бумаги и т.д.’ [VY].

Для второй модели характерно чередование корневых гласных (с союзом или без него). Общая схема: $A^{c[r1]}B^{c[r2]c}(-و)-C^{c[r1]}D^{c[r2]c}$, где A, B, C, D – это слоги, c – согласный, $[r1]$ – пара чередующихся гласных в слогах A и C, $[r2]$ – пара чередующихся гласных в слогах B и D: $تلق\ تلوَق$ [talagh-tolugh] ([a]//[o], [a]//[u]) ‘звук постоянной работы мотора старого и изношенного автомобиля’; $شلپ\ شلوپ$ [shelep-sholop] ([e]//[o], [e]//[o]): ‘1) постоянный звук ходьбы по грязи; 2) звук от многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи’ [VY].

В основе третьей модели (с союзом) лежит двусложная базовая модель. Для нее характерно чередование начальных согласных. Общая схема: $A^{c[r]r}B^{erc}-و-C^{c[r]r}D^{erc}$, где A, B, C, D – это слоги, c – согласный, r – гласный, $[c]$ – чередующийся согласный: $جلز\ و\ وِلز$ [jelez-o-velez] ([j]//[v]) ‘звук жарящегося в масле мяса’, имеет также значение ‘жалобная просьба, стон, плач’ [VY].

Кроме того, нами были установлены еще две модели, однако их продуктивность нуждается в уточнении из-за малочисленности примеров. Модель с чередованием корневых гласных и интерфиксом $ا$ [ā] на стыке (общий вид: $A^{c[r]c}-ا-B^{c[r]c}$): $چاک\ چکا$ [chak-a-chāk] ([a]//[ā]) ‘звук лязганья мечей, звук от ударов иных металлических предметов друг о друга’. Модель с чередованием корневых гласных [i]//[ā] без интерфикса (общий вид: $A^{c[r]c}-B^{c[r]c}$): $تیک\ تاک$ [tik-tāk] ([a]//[ā]) ‘постоянный однообразный звук, издаваемый механизмом (например, звук тиканья часов)’ [VY].

Частичная редупликация персидских звукоподражаний напоминает повтор основы, однако в дублированном корне происходит чередование гласных или согласных звуков. Подобные изменения должны исследоваться в контексте семантизации звуков, т.е. как проявления звукосимволизма, а не в контексте словообразовательных особенностей, так как вторая часть (с частичной редупликацией) самостоятельно не употребляется, представляя собой асемантичный с точки зрения современного языка элемент.

Морфологическим признаком, отражающим изменения в семантике, является повтор основы (ПО), который приводит к экстенсификации семантики по следующей схеме: однократность/внезапность (звукоподражание без ПО) → многократность/постоянность (звукоподражание с ПО). Например: $پف$ [rof] ‘однократный/внезапный звук потока воздуха, исходящего изо рта, звук дуновения человека; образ вздувания, опухания’ → $پف\ پف$ [rof-rof] ‘звук постоянного сопения (т.е. постоянного/многократного выдыхания воздуха) во время сна’ [VY].

В персидском языке, как и в таджикском, звукоподражание может играть различные синтаксические роли.

- Подлежащее:

[zerzer-esh ma rā khaste kard]

زرزرش مرا خسته کرد.

‘Его/её пустая болтовня (букв. бу-бу) меня утомила’.

- Дополнение:

[sar-e sobh Hasan taghtagh-i rā shenid]

سر صبح حسن تقی تقی را شنید.

‘Рано утром Хасан услышал какой-то стук (букв. тук-тук)’.

- Определение, выраженное изафетной конструкцией:
[kolfate ghorghoru be dard nemi khorad] کلفت غر غرو به درد نمی خورد.
‘От ворчливой (букв. гхор-гхору) служанки нет толку’.
- Обстоятельство образа действия:
[hor-hor az damāshash khun mi rikht] هرهر از دماغش خون می ریخت.
‘Кровь из его носа сильно (букв. хор-хор) текла’.
- Сказуемое:
[az bas ke rāh raftam pāyam pof kard] از بس که راه رفتم پایم پف کرد.
‘Я так находился, что у меня нога отекла (букв. сделала поф)’.

В фарси звукоподражания в роли сказуемого редко используются в предложении самостоятельно. Обычно к ним присоединяются вспомогательные ёгены-полузнаки алфавита синтаксиса¹ کردن [kardan] ‘делать’, زدن [zadan] ‘бить, ударять’, دادن [dādan] ‘давать’.

Таким образом, персидские звукоподражания ввиду близкого родства имеют много сходств с таджикскими. В персидском языке обнаружены звуковыражения (передающие звучание объектов), звукообразы (подражание звуку и образу с помощью звука) и звукоизображения (подражание образу с помощью звука), для которых характерны устойчивые слово-образовательные модели и ритмичность как следствие частичной редупликации и повтора основы. Повтор основы в подобных словах приводит к экстенсификации их семантики. Звукоподражания могут играть различные синтаксические роли в предложении. Это свидетельствует о том, что современные звукоподражания являются переходным этапом от древних слов-предложений к лексике современных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В. И.* Мимео-изобразительные слова в осетинском языке / В. И. Абаев // Труды Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1956. – Т. 6. – С. 409–427.
2. *Фазылов, М. Ф.* Изобразительные слова в современном таджикском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ф. Фазылов. – Л., 1950. – 15 с.
3. *Шукурова, М.* Повторы в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / М. Шукурова. – Душанбе, 1978. – 28 с.
4. *Рубинчик, Ю. А.* Грамматический очерк персидского языка / Ю. А. Рубинчик // Персидско-русский словарь : в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М. : Сов. энцикл., 1970. – Т. 2. – С. 791–847.
5. *Рубинчик, Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик. – М. : Издат. фирма «Восточная литература», 2001. – 600 с.
6. *Neshāt, S. M.* Esm-e sout va kārbord-e ān dar zabān-e fārsi / S. M. Neshāt // Majalle-ye dāneshgāh-e adabiāt va olum-e ensāni dāneshgāh-e Tehrān. – 1357. – № 97 va 98. – S. 283–298.

¹ Термин предложен А. Н. Гордеем [13].

7. *Nātel Khānlāri, P.* Dastur zabān-e fārsi / P. Nātel Khānlāri. – Chāp-e dovom bā tajdid-e nazar. – Tehrān : Enteshārāt-e Tus, 1359. – 367 s.
8. *Ahmadi Birjandi, A.* Dastur zabān-e fārsi / A. Ahmadi Birjandi. – Chāp-e panjom. – Mashhad : Enteshārāt-e Ketābforushi-ye bāstān, 1352. – 319 s.
9. *Vahidiān Kāmyār, T.* Farhang-e nām āvā dar zabān-e fārsi / T. Vahidiān Kāmyār. – Mashhad : Enteshārāt-e dāneshgāh-e Ferdowsi-e Mashhad, 1375. – 276 s.
10. *Расторгуева, В. С.* Этимологический словарь иранских языков. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 1 : А – Ā. – 327 с.
11. *Мехраби, К.* Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках / К. Мехраби // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – №3. – С. 173–182.
12. *Трасковська, Г. С.* Звукозображальна лексика перської мови : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.13 / Г. С. Трасковська ; Нац. акад. наук України, Ін-т сходознавства ім. Ю. А. Кримського. – Київ, 2014. – 19 с.
13. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СЛОВАРИ

[VY] واژه یاب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 17.03.2019.

The article deals with the history of the study of Tajik and Persian onomatopoeias in the USSR, post-Soviet states and Iran. The author presents a critical review of the works of M. F. Fazylov, M. Shukurova, Y. A. Rubinchik, S. M. Neshat, T. V. Kamyar, Q. Mehrabi, G. S. Traskovskaya; analyzes morphological, semantic and syntactic features of Persian onomatopoeias.

Поступила в редакцию 10.04.2019

Е. П. Бетенья

ИДИОЭТНИЧНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье на основе контрастивного подхода выявляются и подвергаются анализу глагольные формы, составляющие специфику грамматических систем английского и белорусского языков. В английском языке это формы континууса и перфекта, а в белорусском языке – формы плюсквамперфекта и будущего сложного II. В ходе анализа данных грамматик двух языков обобщаются семантические характеристики указанных форм – как прототипические значения, так и производные от них, которые свидетельствуют о сложной и неоднозначной корреляции семантики глагольных форм английского и белорусского языков.